

Олег БОГАЕВ

Мертвые уши, или Новейшая история туалетной бумаги

Действующие лица

ЭРА НИКОЛАЕВНА, крепкая женщина КВАРТЕТ русских классиков
ДАМА ИЗ СОБЕСА, на голове берет
ДВА ЧИНОВНИКА Департамента Культуры
КОЛЛЕКЦИОНЕР редких изданий
ДВА МИЛЛИОНЕРА
СВЕТА, библиотечкарь в декрете
ПИСАТЕЛЬ СУСЛЕНКО, лауреат Нобелевской премии
ДАНТЕС, убийца Пушкина

Действие происходит в соседней квартире

Вечно Эра Николаевна попадала в неприличные истории. Казалось бы, теперь она почтенная женщина, однако — вот новое приключение. Но подождите.

Пытаюсь подобрать нужные слова для описания ее личности и как-то ничего не приходит в голову, кроме — "большая, огромная, здоровая".

Ростом она метра два или три, что само по себе уже говорит о многом. Широкая кость, какая только возможна, руки, ноги, голова редких размеров. По словам фельдшера — крупный организм. Заметный.

Бывало, идет она по проспекту и все уже знает: Эра Николаевна стремится куда-то. Но, как обычно случается, промашка с гениальными умственными способностями, не в пример телесным чудесам, оказались ничтожно малы. И от этого Эра Николаевна пострадала в жизни. Организм требовал много пищи, грех на еде экономить такому человеку.

Скажете — да что за скотина такая перед нами, животное, а Дарвин добавит — это моя обязанность.

А я думаю так — Человек она, не смеха ради...

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Над столом возвышается Эра Николаевна. Большой человек, большая кастрюля. С аппетитом ест похлебку, жует, черпает ложкой, кладет в рот. Вдур чихает в тарелку, летят брызги во все стороны, она локоть и быстро утирается кулаком, икает. Снова жадно, как в последний раз в жизни, ест.

Съела. Смотрит в пустое дно. О чем-то размышляет, задумчиво ковыряет в носу. Встает во весь свой рост, потягивается. Берет кастрюлю, ест.

В коридорчике возникла молчаливая фигура в старинном сюртуке. Человек с интересом озирается, входит в комнату. Смотрит на Эру Николаевну, ласково улыбается. Эра Николаевна увлечена супом и не замечает.

Человек деликатно ждет, когда на него обратят внимание, кашлянул в кулак. Кашлянул второй раз.

Эра Николаевна поднимает голову, видит чужого человека в своей квартире. Поперхнулась. Выкатила удивленные глаза. Кашляет в тарелку. Во все стороны летит лапша.

ЧЕЛОВЕК

Добрый вечер, Эра Николаевна. ЭРА (кашляет). Г-ха Г-ха — г-ха ... (Откашлялась, тупо глядя на человека, не понимает его присутствия.) Вот холера — Ты кто?

ЧЕЛОВЕК. Прощу... деликатно... прощения. Всяческие извинения за неожиданный визит, но... Дело требует неотлагательно срочного.

ЭРА. Кого? Ты кто такой? ЧЕЛОВЕК. Я пришел серьезно поговорить с вами.

ЭРА. Серьезно? ЧЕЛОВЕК. Уважаемая Эра Николаевна! Эра кинула, выплюнула в тарелку кусок теста, изумленно смотрит.

Вам может показаться странным, загадочным мое появление. Однако только вы способны разрешить затруднительное положение, в котором оказался не только я один.

Смотря друг на друга. ЭРА. Ленька, ты?

ЧЕЛОВЕК. Сложившаяся ситуация требует от меня решительных действий, поэтому я осмелился на этот опасный и рискованный шаг. По законам природы я не должен был являться, но я вынужден.

ЭРА. Кого? ЧЕЛОВЕК. Может возникнуть вопрос: почему я обращаюсь именно к вам? Ответив. Вы самый умный, образованный человек в районе. Ваша внутренняя конституция, жизненный опыт, незаурядная личность — все это внушает доверие и наше расположение.

ЭРА (испуганно). Куда? ЧЕЛОВЕК. И так, вы согласны? Пауза.

ЭРА. Ты кто? ЧЕЛОВЕК. Посмотрите внимательно на мое лицо.

ЭРА. Ну — И чо? ЧЕЛОВЕК. Узнали? ЭРА. Рожа вроде знакома.

ЧЕЛОВЕК. Ну, вспомните, вспомните...

Ничего не случится, но сразу станет скучно, если назвать мероприятием то, что в течение нескольких дней происходило в Петербурге, в Александринском театре, в просторечии именуемым Александринкой. Можно, конечно, поменять одно слово на другое, меприятствие — на акцию или даже на более модное — проект, но это мало что изменит. Два последних, даром что модные, не внушают доверия — слишком часто доплатятся, как мыльные пузыри, в первом же, хоть и есть привлекательный облик, но тоска, тоска...

Придумаем для случившегося что-нибудь свое, что вряд ли выразит суть происходящего (на это рассчитывать не приходится), но хотя бы передаст настроение тех дней. Доброжелательно-ожидающее, загадя готовое к сюрпризам, причем к сюрпризам непременно приятным, несмотря на полную их неизвестность.

В сказанном, признаемся, есть доля лукавства. Кое о чем мы заговя слышали, а кое в чем даже принимали некое участие. Не теперь, года два назад, когда опубликовали на страницах "ЭС" пьесу Олега Богаева "Русская народная почта". "Русская почта" редакции очень понравилась, об авторе же со слов театроведа Светланы Новиковой, которая нам пьесу принесла, знали: Богаев молод, живет в Екатеринбурге и доселе нигде не публиковался. Это потом уже, после "Русской народной почты", стал известен, получил за нее Антибукера.

С этой-то пьесой мы и должны были снова встретиться, но уже не читать, а смотреть, как будут играть ее, на "Театральной неделе на площади А.Н.Островского". Именно что играть — главный интерес и главный смысл происходящего заключался как раз в том, что написанное обрело сценическую жизнь. Играли актеры, ставили режиссеры, смотрела публика — театральная и по преимуществу молодая.

В "Русской народной почте" мы увидели Игоря Волкова, в других показах — тоже актеров Александринки. Они играли за просто так, заинтересовавшись необычным делом, а "командовали" ими выпускники режиссерского класса Геннадия Троянецкого. В одном из показов режиссеры были и за исполнителей.

Неожиданное происшествие

Теперь, пожалуй, слово для "Недели..." нашлось само собой: неожиданное происшествие. Неожиданное, потому что не припомню, но буду рада, если кто-то припомнит — чтобы театр, да еще академический, по доброй воле, по подсказке дела затевал что-либо подобное. Разумеется, с помощью, то более, то менее ошутливой, московских и петербургских театральных организаций или Министерства культуры, но Александринка все равно стояла во главе угла. Кто, ошутливый театр чувствует, что без современной литературы, он если и способен двигаться, то только назад.

Повторим: показов было четыре. Москвину Андрею Вишневскому принадлежало "Небо", петербуржцу Тимофею Хмелеву "Август", барнаульцу Александру Строганову "Орнитология", а уже известному нам Олегу Богаеву "Русская народная почта". Сказать, что кто-либо из авторов занимал конфликт хорошо с другим, значило бы сильно потренировать против истины. Хорошего, а тем более отличного материала пьес не содержит. Атмосферное давление жизни, ее, как говорится, реалии, этого не позволяют — во всяком случае тем, о ком идет речь. Но и топтать вслепа, да другими, беря на вооружение пистолет и иглу, они тоже себе не позволяют. В "Русской народной почте" одинокий пенсионер рассказывает по разным адресам письма (покойная его жена служила на почте и писчебумажного добра ему, слава богу, хватает) и сам себе на них отвечает. За этим следят и кой-когда вступают в спор Ленин и Королева Елизавета, обвиняя друг друга (политическую доктрину друг друга) в бедственном положении старика. Смерть, явившись под занавес забрать его с собой, от старика отказывается: он бессмертен. (Фауст, Гете и товарищ Сталин при этом вспоминаются).

В "Августе" на подмосковной даче сходятся старые знакомые — молодые и не очень. Чеховское лого, как усадьбный атрибут, тут тоже присутствует, равно как семь пудов несчастливой любви. В "Орнитологии" — ее автор врач-психиатр — едва ли не первые реплики заставляли ждать рокового исхода, и чем дальше — тем он неизбежнее. Внешней причины для самоубийства у героя нет. Рок — замкнутое пространство существования, с которым он не в силах справиться.

И трагедия действующих лиц "Неба" — двух космонавтов — в том же. Небо в пьесе категория метафизическая — то, к чему люди рвутся, но чего не могут достичь из-за собственной скверны.

Новая драматургия требует нового взгляда на пространство души — судя по показам, режиссерам и актерам она не кажется чуждой. Разговоры о совместной работе в Александринке уже ведутся. В Москве, говорят, дад тоже тронулся, но об этом лучше осведомиться у самих авторов, дабы не выдать секретов.

Александринский театр — академический. Профессор А.А.Чегуров, там работающий и получивший полную поддержку директора Г.А.Сапченко, открыл "Неделю... конференцией: "Мир Островского" (на сцене в эти дни шли его пьесы). К тому же театр пригласил к себе в гости "Домик драматургов" — есть в Санкт-Петербурге такое неформальное объединение — прибавив к новым увиденным пьесам новые услышанные, что тоже было очень интересно и полезно.

Так прошла неделя командировки вашего корреспондента.

Сегодня "ЭС" предлагает отрывок из нового сочинения Олега Богаева: "Мертвые уши"

Натэла ЛОРДИПАНИДЗЕ

Лев Сусленко? ЭРА. Ну-ка, сыми очки. Человек снимает очки. ЧЕЛОВЕК. Узнали? ЭРА. А теперь боком повернись. Погоди. Ты как попал сюда, стручок? ЧЕЛОВЕК. Дверь была закрыта. ЭРА. В окно влез? ЧЕЛОВЕК. Нет. ЭРА. А как? ЧЕЛОВЕК. Пожалуйста, не пугайтесь. ЭРА. Спасибо. ЧЕЛОВЕК (в сторону). Чепуха какая-то. Нелепое, глупое положение. Она не знает меня.

ЭРА. Петрович? Нет. Петрович — он не такой. Он маленько другой. А этот хилый какой-то. ЧЕЛОВЕК. Ну, что ж. Я вынужден представиться. Доктор. ЭРА. А где халат? ЧЕЛОВЕК. Какой халат? ЭРА. Белый. Пауза.

ЧЕЛОВЕК. К сожалению, я не Петрович и не Трфимич. ЭРА. А кто ты? ЧЕЛОВЕК. Я (Пауза.) Писатель. ЭРА. Кто-о-о-о? Пауза.

ЧЕЛОВЕК. Писатель. ЭРА. Врешь. ЧЕЛОВЕК. Ну... Теперь-то вы узнали меня?

ЭРА. Господи, живой писатель?! (Пауза.) Я вашу книжку до сих пор читаю! (Идет в шкаф, достает тонкую пыльную брошюру, показывает.) ЧЕЛОВЕК (смотрит). Что это за дрянь? ЭРА. Господин Сусленко! Мне сильно понравилась — Я плакала, когда Егорка попал под поезд. Только вот обложка обрмякалась.

ЧЕЛОВЕК (листает брошюру). Кто такой

вашу улицу... раньше читали, теперь — нет. Пауза. ЭРА. Супу хочешь или домой пойдешь? ЧЕЛОВЕК. Что???

ЭРА. Вот теперь я тебя вспомнил! У меня сестра Тамара Тучкова. Ты ее знаешь? Она работала на шпательной фабрике. Голый колд. Видел такую телугу — она катит по рельсам, а Тамара моя толкает взади. Мысор в бочку валится, мотиволю ревет, гудит. Так вот, она — Тамара моя, вышла за шофера замуж. А шофер-то этот работал в больнице. Дураков возил. И однажды так напился, что зашиб миллионера... Передавал всех и скрылся. Представляешь? Искали его. И чо ты думаешь? Нашли. Нашли и посадили. А сестра моя Тамара вышла замуж за другого... шофера. И вот этот самый другой шофер тоже жил. Страшно! И его посадили. За драку в колбасном отделе. Слушай, да? Значит, его привлекли, и он сочинил письма моей Тамаре оттуда сразу. Вот пишет он о любви разной и сообщает намеком, что да как у него там дела. Сам знаешь. Жила моя Тамара на углу, рядом с той самой фабрикой напротив парка. Слушай... И парк назывался "Имени Народной Воли". Мы там гуляли все. А еще найсокос ствол деревянный широк. Мы и туда ходили. И в этом самом ширке выступали как раз зверь. А билеты нам доставала бухгалтер Антонина Петровна Савельева. И вот она... она самая и говорила мне про тебя: "Что ж ты, — говорю, — безразмерные боты Эры, низко кланяются". Проходите. ЭРА. Вот что — Зайди к соседям. Они любят всякие книжки. Глядишь — помогут.

ЧЕЛОВЕК (надевает огромные, безразмерные боты Эры, низко кланяется). Проходите. ЭРА. Вот что — Зайди к соседям. Они любят всякие книжки. Глядишь — помогут. ЧЕЛОВЕК (исчезает). Эра удивленно смотрит.

КАРТИНА ВТОРАЯ. Спустя неделю. Вечер. В квартиру входит Эра Николаевна и Чехов. В руках Чехова связки книг — полное собрание сочинений. ЭРА. Свести совсем нет у людей. Скоко тебе можно шарашить по подъездам, а? Проходи, что ли.

Чехов положил книги, раздевается. Куда в обуви? Разувайся... тапочки для дела. Знаешь что. Иди-ка ты в ванну. Умойся. Вот тебе полотенце и свежее мыло. Там

ЧЕЛОВЕК. А что, заметно? ЭРА. Заметно. ЧЕЛОВЕК. А вы сколько? ЭРА. Много. ЧЕЛОВЕК. Тоже три? (Смеются.) Пауза.

ЧЕЛОВЕК. Досадно мне, Эра Николаевна. Вся жизнь писал как каторжанин. Бывало, напишешь одно, потом сразу другое. ЭРА. А пошто не отдышал? ЧЕЛОВЕК. Хотел все успеть. ЭРА. И успел? ЧЕЛОВЕК. Стрел. За письменным столом. Пауза.

ЭРА. И чо... зачем пришел-то? ЧЕЛОВЕК. Послушайте, дорогая Эра Николаевна — будьте милосердны. Вы единственный умный человек во всем районе... Запишитесь в библиотеку.

ЭРА. А? ЧЕЛОВЕК. Библио Тека. ЭРА. Что? ЧЕЛОВЕК. Закрывается. Пауза.

ЭРА. Глянь — очки вспотели. ЧЕЛОВЕК (снимает пенсне, протирает). Дело обстоит следующим образом... Крайне нужен хотя бы один читатель и мы спасены... ЭРА. И много вас таких? ЧЕЛОВЕК. Много. Вся библиотека русской классики. С Нового года стеллажи на склад, а нас в огонь. Кому повезет, того в подвал. (Пауза.) Самое страшное, знаете что?

ЭРА. Что? ЧЕЛОВЕК (шепотом). Уборная. Ивану Сергеевичу не повезло.

Мы думали, мыслили, страдали за вас. ЭРА. Говорят, пишут одни дураки, это правда? ЧЕЛОВЕК. Среди нас таких нет. ЭРА. А у тебя что почитать? ЧЕЛОВЕК. Рассказы житейские... на любой вкус. Могу предложить "Чайку". ЭРА. Люблю зверей... ЧЕЛОВЕК. Если в обществе любят литературу и относятся к ним иначе, чем скажем, к кулакам, то это идеализм. Здесь отец вечной материи — холопидник.

ЭРА. Не пойму, чо ты хочешь? ЧЕЛОВЕК. Вы придете? ЭРА. А куда? ЧЕЛОВЕК. Библиотека у рынка. ЭРА. О! Далеко. ЧЕЛОВЕК. Хотя бы одну книжку. ЭРА. Ну ты сам подумай: мне что, делать больше нечего? ЧЕЛОВЕК. Тогда зачем я писал? ЭРА. Кто тебя знает. ЧЕЛОВЕК. Полагаю, теперь можно опустить занавес.

ЭРА. Ладно придуриваться. Супу хочешь? ЧЕЛОВЕК. Пожалуй. (Эра наливает. Чехов ест.)

ЭРА. Мне что, жалко тарелку супу... Мне вас, балбесов, жалко. Классики. (Смеется.) Ну на кой хрен ты мне сидел с книжками этими? Вкусно? ЧЕЛОВЕК. Вкусно. ЭРА. По бороде течет. Ешь нормально. ЧЕЛОВЕК (ест). Антон Павлович Чехов. ЭРА. Ты не обижайся, Антон Павлович, я же серьезный человек. (Смрит на Чехова.) Знаешь чо, шел бы ты на стройку, а? Мужская работа. ЧЕЛОВЕК. Подумаю. ЭРА. Худой, как веревка. Вас там, в библиотеке, чо, не кормят? ЧЕЛОВЕК (глядит в опустевшую тарелку, вздыхает). Пустов (Встаёт, поправляет пенсне.) Весьма благодарен. Пора.

ЭРА (смотрит на ноги писателя). Ой-шеньки мои! — В летних ботиночках шпындает! На-ка вот, завтра стужа будет. (Дает войлочные боты.) ЧЕЛОВЕК (надевает огромные, безразмерные боты Эры, низко кланяется). Проходите. ЭРА. Вот что — Зайди к соседям. Они любят всякие книжки. Глядишь — помогут.

ЧЕЛОВЕК (исчезает). Эра удивленно смотрит.

ЧЕЛОВЕК. А что, заметно? ЭРА. Заметно. ЧЕЛОВЕК. А вы сколько? ЭРА. Много. ЧЕЛОВЕК. Тоже три? (Смеются.) Пауза.

ЧЕЛОВЕК. Досадно мне, Эра Николаевна. Вся жизнь писал как каторжанин. Бывало, напишешь одно, потом сразу другое. ЭРА. А пошто не отдышал? ЧЕЛОВЕК. Хотел все успеть. ЭРА. И успел? ЧЕЛОВЕК. Стрел. За письменным столом. Пауза.

ЭРА. И чо... зачем пришел-то? ЧЕЛОВЕК. Послушайте, дорогая Эра Николаевна — будьте милосердны. Вы единственный умный человек во всем районе... Запишитесь в библиотеку.

ЭРА. А? ЧЕЛОВЕК. Библио Тека. ЭРА. Что? ЧЕЛОВЕК. Закрывается. Пауза.

ЭРА. Глянь — очки вспотели. ЧЕЛОВЕК (снимает пенсне, протирает). Дело обстоит следующим образом... Крайне нужен хотя бы один читатель и мы спасены... ЭРА. И много вас таких? ЧЕЛОВЕК. Много. Вся библиотека русской классики. С Нового года стеллажи на склад, а нас в огонь. Кому повезет, того в подвал. (Пауза.) Самое страшное, знаете что?

ЭРА. Что? ЧЕЛОВЕК (шепотом). Уборная. Ивану Сергеевичу не повезло.

Мы думали, мыслили, страдали за вас. ЭРА. Говорят, пишут одни дураки, это правда? ЧЕЛОВЕК. Среди нас таких нет. ЭРА. А у тебя что почитать? ЧЕЛОВЕК. Рассказы житейские... на любой вкус. Могу предложить "Чайку". ЭРА. Люблю зверей... ЧЕЛОВЕК. Если в обществе любят литературу и относятся к ним иначе, чем скажем, к кулакам, то это идеализм. Здесь отец вечной материи — холопидник.

ЭРА. Не пойму, чо ты хочешь? ЧЕЛОВЕК. Вы придете? ЭРА. А куда? ЧЕЛОВЕК. Библиотека у рынка. ЭРА. О! Далеко. ЧЕЛОВЕК. Хотя бы одну книжку. ЭРА. Ну ты сам подумай: мне что, делать больше нечего? ЧЕЛОВЕК. Тогда зачем я писал? ЭРА. Кто тебя знает. ЧЕЛОВЕК. Полагаю, теперь можно опустить занавес.

ЭРА. Ладно придуриваться. Супу хочешь? ЧЕЛОВЕК. Пожалуй. (Эра наливает. Чехов ест.)

ЭРА. Мне что, жалко тарелку супу... Мне вас, балбесов, жалко. Классики. (Смеется.) Ну на кой хрен ты мне сидел с книжками этими? Вкусно? ЧЕЛОВЕК. Вкусно. ЭРА. По бороду течет. Ешь нормально. ЧЕЛОВЕК (ест). Антон Павлович Чехов. ЭРА. Ты не обижайся, Антон Павлович, я же серьезный человек. (Смрит на Чехова.) Знаешь чо, шел бы ты на стройку, а? Мужская работа. ЧЕЛОВЕК. Подумаю. ЭРА. Худой, как веревка. Вас там, в библиотеке, чо, не кормят? ЧЕЛОВЕК (глядит в опустевшую тарелку, вздыхает). Пустов (Встаёт, поправляет пенсне.) Весьма благодарен. Пора.

ЭРА (смотрит на ноги писателя). Ой-шеньки мои! — В летних ботиночках шпындает! На-ка вот, завтра стужа будет. (Дает войлочные боты.) ЧЕЛОВЕК (надевает огромные, безразмерные боты Эры, низко кланяется). Проходите. ЭРА. Вот что — Зайди к соседям. Они любят всякие книжки. Глядишь — помогут.

ЧЕЛОВЕК (исчезает). Эра удивленно смотрит.

КАРТИНА ВТОРАЯ. Спустя неделю. Вечер. В квартиру входит Эра Николаевна и Чехов. В руках Чехова связки книг — полное собрание сочинений. ЭРА. Свести совсем нет у людей. Скоко тебе можно шарашить по подъездам, а? Проходи, что ли.

Чехов положил книги, раздевается. Куда в обуви? Разувайся... тапочки для дела. Знаешь что. Иди-ка ты в ванну. Умойся. Вот тебе полотенце и свежее мыло. Там

ЧЕЛОВЕК. А что, заметно? ЭРА. Заметно. ЧЕЛОВЕК. А вы сколько? ЭРА. Много. ЧЕЛОВЕК. Тоже три? (Смеются.) Пауза.

ЧЕЛОВЕК. Досадно мне, Эра Николаевна. Вся жизнь писал как каторжанин. Бывало, напишешь одно, потом сразу другое. ЭРА. А пошто не отдышал? ЧЕЛОВЕК. Хотел все успеть. ЭРА. И успел? ЧЕЛОВЕК. Стрел. За письменным столом. Пауза.

ЭРА. И чо... зачем пришел-то? ЧЕЛОВЕК. Послушайте, дорогая Эра Николаевна — будьте милосердны. Вы единственный умный человек во всем районе... Запишитесь в библиотеку.

ЭРА. А? ЧЕЛОВЕК. Библио Тека. ЭРА. Что? ЧЕЛОВЕК. Закрывается. Пауза.

ЭРА. Глянь — очки вспотели. ЧЕЛОВЕК (снимает пенсне, протирает). Дело обстоит следующим образом... Крайне нужен хотя бы один читатель и мы спасены... ЭРА. И много вас таких? ЧЕЛОВЕК. Много. Вся библиотека русской классики. С Нового года стеллажи на склад, а нас в огонь. Кому повезет, того в подвал. (Пауза.) Самое страшное, знаете что?

ЭРА. Что? ЧЕЛОВЕК (шепотом). Уборная. Ивану Сергеевичу не повезло.

Мы думали, мыслили, страдали за вас. ЭРА. Говорят, пишут одни дураки, это правда? ЧЕЛОВЕК. Среди нас таких нет. ЭРА. А у тебя что почитать? ЧЕЛОВЕК. Рассказы житейские... на любой вкус. Могу предложить "Чайку". ЭРА. Люблю зверей... ЧЕЛОВЕК. Если в обществе любят литературу и относятся к ним иначе, чем скажем, к кулакам, то это идеализм. Здесь отец вечной материи — холопидник.

ЭРА. Не пойму, чо ты хочешь? ЧЕЛОВЕК. Вы придете? ЭРА. А куда? ЧЕЛОВЕК. Библиотека у рынка. ЭРА. О! Далеко. ЧЕЛОВЕК. Хотя бы одну книжку. ЭРА. Ну ты сам подумай: мне что, делать больше нечего? ЧЕЛОВЕК. Тогда зачем я писал? ЭРА. Кто тебя знает. ЧЕЛОВЕК. Полагаю, теперь можно опустить занавес.

ЭРА. Ладно придуриваться. Супу хочешь? ЧЕЛОВЕК. Пожалуй. (Эра наливает. Чехов ест.)

ЭРА. Мне что, жалко тарелку супу... Мне вас, балбесов, жалко. Классики. (Смеется.) Ну на кой хрен ты мне сидел с книжками этими? Вкусно? ЧЕЛОВЕК. Вкусно. ЭРА. По бороду течет. Ешь нормально. ЧЕЛОВЕК (ест). Антон Павлович Чехов. ЭРА. Ты не обижайся, Антон Павлович, я же серьезный человек. (Смрит на Чехова.) Знаешь чо, шел бы ты на стройку, а? Мужская работа. ЧЕЛОВЕК. Подумаю. ЭРА. Худой, как веревка. Вас там, в библиотеке, чо, не кормят? ЧЕЛОВЕК (глядит в опустевшую тарелку, вздыхает). Пустов (Встаёт, поправляет пенсне.) Весьма благодарен. Пора.

ЭРА (смотрит на ноги писателя). Ой-шеньки мои! — В летних ботиночках шпындает! На-ка вот, завтра стужа будет. (Дает войлочные боты.) ЧЕЛОВЕК (надевает огромные, безразмерные боты Эры, низко кланяется). Проходите. ЭРА. Вот что — Зайди к соседям. Они любят всякие книжки. Глядишь — помогут.

ЧЕЛОВЕК (исчезает). Эра удивленно смотрит.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ. Спустя несколько дней. Эра Николаевна бродит по квартире, жестко бьет комаров. В коридорчике возник старец с бородой до пояса, удивленно взглянул на спящие огромные связки книг.

Старик кричат, входит. ЭРА. Здравствуй. СТАРИК. Мое почтение. ЭРА (разглядывает книги старика). Классик, поди? СТАРИК. Он самый. ЭРА. Кормить не стану. СТАРИК (протестуя). Матушка, благодарствуйте! Примите... ЭРА (смотрит на гору книг). Зачем это? Не надо. СТАРИК. Я обошел весь район — меня никто не хочет. ЭРА. Кому это? СТАРИК. А вы, говорят, самый сердечный человек. Сильный. ЭРА. Ну... СТАРИК. Вы добрая душа. Была еще Света, но она ушла в декрет. ЭРА. Какая Света? СТАРИК. Заведующая... Хранительница наша. Возьмите, а то пропаду. (Пауза.) Вот этой вот самой рукой сочинил "Каренину Анну". Думал, какая польза будет, а вон как обернулось. Знал бы, не писал вовсе. (Кричит, опускает ноги на пол.) ЭРА. Трудно? СТАРИК. Обидно. "Царство Божие внутри нас", а где? То ли в печенке, то ли в желудке. Могу и рассказать. ЭРА. Кто? СТАРИК. Царство. ЭРА. Ну, пройдите тогда. Стрчик садится. СТАРИК. Как живется вам, народ русский? ЭРА. Всяко. СТАРИК. Конец света? ЭРА. Где? СТАРИК. Обижают? ЭРА. Я всех мужиков сильней. СТАРИК. Позвольте представиться... Граф Лев Николаевич Толстой. Великий русский писатель. Родился в двадцать восьмом, а помер в десятом по старому стилю. ЭРА. Великий, значит? ТОЛСТОЙ. Говорят. ЭРА. Бессмертный? ТОЛСТОЙ. Увы. Смотря друг на друга. Сделайте одолжение, пожарьте мне яиченку. ЭРА. Горе мне с вами чисто!! (Вздыхает, уходит на кухню.) ТОЛСТОЙ. В большом пятимиллионном городе читают книги два человека. Да и те, один — по слогам, другой — по буквам. Тьма Египетская! Пльбейство! Зато все писатели. Пять миллион. За чем столько?! Писатели Сусленко чужих книг не читает. Он умный и важный, как Тамерлан Великий, ходит в чужом пиджаке, курит дешевые сигары, и режет колбасу на Святом Писании. (Эра Николаевна ставит скорородку.)

ЭРА. А ты не будешь смеяться? ЧЕЛОВЕК. Нет. ЭРА. Точно? (Доставляет тетрадку, читает.) Воспоминания... (Прослезилась.) Нет, не могу. Читай сам.

ЧЕЛОВЕК (внимательно читает). Раньше колбаса стоила два двадцать, а крупя 15 копеек пачка. Входя в гастроном, можно было не только трести башкой и нюхать запахи, но и отovarивать по совести. Конфеты, печенье, куриные и животные окороки, яйцо, масло, сметана, молоко, рыба? Что это? Романтическое вступление! ЭРА. Романтическое. ЧЕЛОВЕК. Вздор. Скука. Эра Николаевна забирает тетрадку. ЭРА. Ладно. Писатель. Поздно уже. Мне спать надо. ЧЕЛОВЕК. А раскладушка? ЭРА. Жить ты собрался? ЧЕЛОВЕК. Собрался. ЭРА. Умный болно. Не по мне. Чаю натре- скался, обогрелся, теперь уходи. ЧЕЛОВЕК (берет в руки связки книг, утихо поклонились). Спокойного сна! (Исчезает.) Пауза.

ЭРА. Библиотечку, видишь ли, закрыли... А что это? Была на вас мода, да вышла. Вздор, скажу ему. Нет, парень, это не скука, здесь вся моя жизнь. Не жизнь, а дурь сплошная. Голодной курице все просо снится. (Взбивает подушку огромными кулаками, летят перья.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ. Спустя несколько дней. Эра Николаевна бродит по квартире, жестко бьет комаров. В коридорчике возник старец с бородой до пояса, удивленно взглянул на спящие огромные связки книг.

Старик кричат, входит. ЭРА. Здравствуй. СТАРИК. Мое почтение. ЭРА (разглядывает книги старика). Классик, поди? СТАРИК. Он самый. ЭРА. Кормить не стану. СТАРИК (протестуя). Матушка, благодарствуйте! Примите... ЭРА (смотрит на гору книг). Зачем это? Не надо. СТАРИК. Я обошел весь район — меня никто не хочет. ЭРА. Кому это? СТАРИК. А вы, говорят, самый сердечный человек. Сильный. ЭРА. Ну... СТАРИК. Вы добрая душа. Была еще Света, но она ушла в декрет. ЭРА. Какая Света? СТАРИК. Заведующая... Хранительница наша. Возьмите, а то пропаду. (Пауза.) Вот этой вот самой рукой сочинил "Каренину Анну". Думал, какая польза будет, а вон как обернулось. Знал бы, не писал вовсе. (Кричит, опускает ноги на пол.) ЭРА. Трудно? СТАРИК. Обидно. "Царство Божие внутри нас", а где? То ли в печенке, то ли в желудке. Могу и рассказать. ЭРА. Кто? СТАРИК. Царство. ЭРА. Ну, пройдите тогда. Стрчик садится. СТАРИК. Как живется вам, народ русский? ЭРА. Всяко. СТАРИК. Конец света? ЭРА. Где? СТАРИК. Обижают? ЭРА. Я всех мужиков сильней. СТАРИК. Позвольте представиться... Граф Лев Николаевич Толстой. Великий русский писатель. Родился в двадцать восьмом, а помер в десятом по старому стилю. ЭРА. Великий, значит? ТОЛСТОЙ. Говорят. ЭРА. Бессмертный? ТОЛСТОЙ. Увы. Смотря друг на друга. Сделайте одолжение, пожарьте мне яиченку. ЭРА. Горе мне с вами чисто!! (Вздыхает, уходит на кухню.) ТОЛСТОЙ. В большом пятимиллионном городе читают книги два человека. Да и те, один — по слогам, другой — по буквам. Тьма Египетская! Пльбейство! Зато все писатели. Пять миллион. За чем столько?! Писатели Сусленко чужих книг не читает. Он умный и важный, как Тамерлан Великий, ходит в чужом пиджаке, курит дешевые сигары, и режет колбасу на Святом Писании. (Эра Николаевна ставит скорородку.)

ТОЛСТОЙ. Я что думаю, Эра Николаевна... Может, еще откроют читальню? Не вечна же "Похотливая красотка". (Кашляет.) Эра Николаевна приносит таз с горячей водой, писатель греет озябшие ноги. ТОЛСТОЙ. Благодарствую, матушка. Дай тебе Бог здоровья. Один мудрец римский сказал: Одна прочтенная книга заменяет десять килограммов мясной вырезки. ЭРА. Говядина? ТОЛСТОЙ. И говядина, и баранина, и свинина. Толстой соскребает ложкой остатки яичницы, чистит скорородку кусочком хлеба. ЭРА. Существой, чего там... места хватит... (Раскладывает раскладушку, стелит постель.) Ночь. Спать ложись. ТОЛСТОЙ. Доброй ты